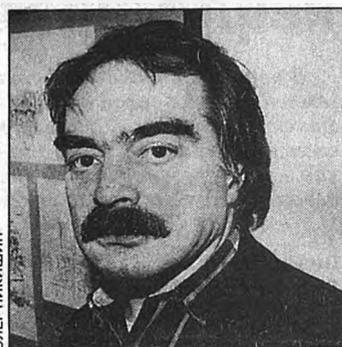

Александр АДАБАШЬЯН:

Российский телесериал — это девальвация профессии

Александр АДАБАШЬЯН приступил к монтажу «Азазель» — пятисерийного фильма по роману Бориса Акунина, который выйдет на ОРТ осенью этого года. О своем первом опыте работы над телесериалом режиссер рассказал корреспонденту «Известий» Марии КУВШИНОВОЙ.

ОЛЕГ НИКИШИН

— «Азазель» снимался на студии «ТриТЭ». Не означает ли это, что возрождается ваше сотрудничество с Никитой Михалковым?

— Нет, это ровным счетом ничего не означает. Просто «ТриТЭ» давно и плодотворно работает с ОРТ. Когда канал предложил мне в качестве производителя эту студию, у меня не было никаких мотивов искать чего-то иного. Тем более что я никого больше не знаю.

— Вы себя не ощущаете конкурентом Никиты Михалкова, который сейчас заинтересовался «Статским советником» того же Акунина?

— Нет, ничьим конкурентом я себя не ощущаю. Я вообще давно здесь не работал и отстал от нашего кинопроизводства. Столкнувшись с ним, испытал жесточайшее разочарование и решил: этот сериал доделаю, но больше с этим связываться не буду никогда. Я подозревал, что за время моего отсутствия что-то изменилось, но не подозревал, что до такой степени в худшую сторону. На Западе любой продюсер заинтересован в том, чтобы получилось качественное кино, на котором можно заработать. У нас, каким бы качественным фильм ни был, заработать на нем невозможно. Поэтому задача любого отечественного продюсера — как можно больше украсть «на берегу». Я не имею в виду «ТриТЭ», в данном случае они просто производители. Телевидение, в отличие от кино, в качестве заинтересовано, потому как от качества зависит реклама. Но существующая практика кинопроизводства настолько снизила планку, что это отразилось и на телевидении.

— Значит ли это, что вы больше не будете работать в России?

— Я только здесь и могу работать. Но когда здесь мне не предлагается ничего, а на Западе есть интересная работа, я во вполне естественным причинам еду туда.

— Вам было бы интересно посмотреть то, что Михалков сделает?

— Конечно. Очень даже.

— Телевидение — чисто утилитарная вещь. Даже если бы у вас были бюджет и время, вы все равно не смогли бы использовать все кинематографические средства, которые есть у большого кино...

— Почему? Спокойно смогли бы. Вы же смотрите художественные фильмы по телевизору, вы же оцениваете их качество? Хотя я не был художником на этой картине, визуальная сторона для меня тоже чрезвычайно важна.

— Но ведь изначально подразумевается, что телепроект — это не искусство, не шедевр кинематографа.

— Совершенно верно. Это — запланированная халтура.

— Вы на это все равно пошли?

— Я же не знал, на что иду...

Смета мне представлялась действительно серьезной. Только окупившись в это дело, я понял, в каких условиях у нас делают сериалы. Актеры приходят в своих костюмах, все снимается в готовых интерьерах, а репетиции — это собачий бред. Не мы первопроходцы: есть мексиканский продюсер Пимштейн, у него отработанные технологии и съемочное время практически соответствует экранному. У артиста в ухе маленькое передающее устройство, по которому говорят: «Посмотри направо. Скажи: «Хуан!» — «Хуан!» — «Где Родригес?» — «Где Родригес?» Я старался этого избежать. Но кусок черного хлеба с солью, который вам дают пожевать под видом ресторанной еды, не становится деликатесом только потому, что у других нет и этого.

(Окончание на 8-й стр.)

Кувшин. — 2001. — Ява. — с. 1, 8

Александр АДАБАШЬЯН:

Российский телесериал — это девальвация профессии

(Окончание. Начало на 1-й стр.)

— Знаете ли вы какие-нибудь сериалы, которые снимаются не по «принципу Пимштейна»?

— Я просто сериалы не смотрел никогда. Сейчас из любопытства начал приглядываться к тому, что имеет успех. К «Ментам», например. Прискорбно, конечно, что все это докатилось до такого уровня, до девальвации профессии. Стоит задача: пропустить через видеокамеру такое-то количество пленки за такое-то количество времени, актеры должны быстро проговорить текст, который с такой же скоростью был написан. А граждане, не видя ничего другого, начинают к этому привыкать.

— Примером качественного сериала может служить «Твин Пикс» Дэвида Линча...

— Слышал, но не видел. На Западе бывают замечательные работы. Взять хотя бы «Одиссею» Кончаловского. Это художественное произведение, сделанное художественным способом.

— Аналогия с «Твин Пиксом» уместна еще и потому, что Линч со своей репутацией киноэстетства пришел работать на телевидение...

— Я себя эстетом, боже упаси, не считаю. Никогда не принимал участия в создании «авторских» картин. И не собираюсь.

— Вы сознательно пригласили на главные роли неизвестных актеров?

— Нет, я просто искал хороших. Меня в свое время обескуражило заявление Прошкина о том, что он взял в «Русский бунт» на главные роли поляков, потому что «нет лиц». Лиц огромное количество, и хороших актеров 19-ти, 20-ти, 23-х лет очень много. Не могу сказать, что если бы не было Ильи Носкова, произошла бы катастрофа. Кроме того, есть актеры, которым 30–40 лет, но их никто не снимает, потому что они не находятся в привычной обойме. А Феликс Антипов с Таганки, которому за 50... «Азазель» — это его первая работа в кино!

— Почему, как вы думаете, таким успехом стали пользоваться детективы про XIX век?

— Это совершенно естественная реакция. Чтение беллетристики, детективов должно быть не трудом, а отдыхом. Когда человек, потолкавшись в троллейбусе, посмотрев по телевизору очередную порцию трупов, берет книжку и читает о том, как люди давятся в троллейбусах и мочат друг друга, наступает некое пресыщение. Хочется почитать что-нибудь в доступной форме, но о другой жизни. А потом, Фандорин — новый тип героя, который совершает свои подвиги не потому, что он супермен, а потому, что понятие чести ему присуще так же, как обоняние и осязание. Хотя то представление о XIX веке, которое у нас существует, — это представление о тонком слое культуры, которым жило 0,8% населения. Россия не состояла из тургеневских барышень, Болконских и Безуховых. «Азазель» — не реконструкция XIX века, а

реконструкция мифа о XIX веке. Поскольку мифология создавалась не только литературой, но и живописью, то мы цитируем не только кино. У нас есть отсылы к Маковскому, Васнецову, Крамскому, присутствуют эстетические цитаты из мирискусников.

— Хичкок в свое время скупил весь тираж литературного источника «Психоза». Насколько вообще целесообразно экранизировать детектив, который прочитало уже довольно много народа?

— Конечно, это снижает чисто детективный интерес к произведению. Но меня «Азазель» привлек не возможностью рассказать интригу — мне понравились игрушки, запряженные в текст, понравились характеры, которые приходятся дальними, несколько выродившимися родственниками своих великих предшественников из русской литературы XIX века.

— Вам не обидно, что лишь немногие разгадают те кинема-

тографические аллюзии, которые есть в сериале?

— Нет, так же как, я думаю, Акунину не обидно, что его литературные аллюзии не всем понятны. В то благословенное время, когда мы были самой читающей страной в мире, я пошел на «Преступление и наказание» на обычный сеанс в кинотеатр. Зал был полон, и где-то на середине картины по реакции зрителей я понял, что они смотрят детектив, гадая, застывает ли Порфирий Раскольников или нет.

— Несмотря на то, что детективная линия известна, внимание к сериалу огромное. Вас это не может не радовать...

— Меня это совершенно не радует, потому что это подогревает ожидания. Когда все говорит: «Вы сейчас увидите такое...» А потом дверь открывается — и на пороге стоит обычный человек, пусть даже самых лучших качеств, но не супермен, не полиглот, не атлет... Мы старались сделать антропоморфное кино.